

ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИЙ «КРИЗИСОВ ФЕОДАЛИЗМА». XIV—XV И XVII ВЕКОВ В БЕЛЬГИЙСКОЙ И НИДЕРЛАНДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. Н. Чистозвонов

Уже в 30-х годах XX в. в буржуазной историографии прослеживалась определенная тенденциозность в оценке социально-экономических процессов, имевших место в европейских странах в XIV—XV и XVII веках. Она нашла свое отражение, в частности, в работах немецкого историка В. Абеля, а также С. М. Керюеля, Д. Гризиотти-Кречманн¹ и др. Подчеркнутое внимание к «кризисным явлениям» в европейской экономике этих периодов, выдвигание на первое место в качестве якобы определяющих факторов движения цен, населения, «запустения» земель и т. п. опирались, с одной стороны, на более раннюю историографическую традицию, восходившую к работам немецких и австрийских историков конца XIX — начала XX в. — К. Т. Инамы-Штернега, К. Лампрехта, А. Грунда, О. Шлютера и др., с другой — на выводы, навеянные исследованиями относительно кризисных явлений в аграрном секторе капиталистических стран в 20-х годах нашего столетия, в частности на работы М. Зеринга, то есть грешили откровенным модернизаторством².

Эти тенденции получили свое дальнейшее развитие в буржуазной историографии послевоенного периода. Так появились детально разработанные концепции «кризиса» западноевропейского феодализма в XIV—XV веках. Кризисность капиталистической экономики довлекла над сознанием буржуазных историков и побуждала их распространять ее на явления отдаленного исторического прошлого. Здесь следует указать прежде всего на ряд современных работ уже упоминавшегося историка В. Абеля и его западногерманских соотечественников Ф. Лютге, Э. Кельтера, а также английских исследователей Г. Р. Тревор-Ропера, М. Добба³, М. Поста и др.

¹ W. Abel. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin. 1935; S. M. Kerhuel. Les mouvements de longue durée des prix. 1935; J. Griziotti-Kretschmann. Il problema del trend secolare nelle fluttuazioni dei prezzi. 1935; В. Н. Slicher van Bath. Die Europäischen Agrarverhältnisse im 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. «A.A.G. Bijdragen», 13, 1965, blz. 134.

² См. В. Е. Майер. Вопросы аграрной истории Германии XIV—XV вв. в освещении буржуазных историков ФРГ. «Средние века». Вып. 26. 1964, стр. 118—122, 125 и др.

³ E. Kelter. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14. und 15. Jahrhunderts im Schatten des Pestepidemien. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Bd. 165, H. 2—3, 1953; W. Abel. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Stuttgart. 1955; F. Lütge. Das 14—15. Jahrhundert in der Sozial und Wirtschaftsgeschichte. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Bd. 162, H. 3. 1950; H. R. Trevor-Roper. The General Crisis of the Seventeenth Century. «Past and Present». 1959, № 16. См. также дискуссионные статьи по этому вопросу Е. Космана, Р. Мунье и Л. Стоуна и др. в «Past and Present», 1960, № 18; M. Dobb. Studies in the Development of Capitalism. L. 1946; e jus d. Transition from Feudalism to Capitalism. L. 1963; M. Postan. Die wirtschaftlichen Grundlagen der mittelalterlichen Gesellschaft. «Jahrbücher der Nationalökonomie und Statistik», 1954, August.

В 50-х годах эти проблемы стали предметом специальных научных симпозиумов и сессий⁴, а концепции «кризиса феодализма» XIV—XV вв. приобрели широкое распространение не только в буржуазной литературе, но и в работах некоторых историков-марксистов западноевропейских стран⁵.

Советские историки-медиевисты подвергли обстоятельной и аргументированной критике эти концепции «кризиса» XIV—XV веков. Началом было положено статьей акад. Е. А. Косминского, который в общетеоретическом аспекте отверг принцип рассмотрения экономической эволюции европейских стран лишь в плане учета движения народонаселения и факторов из сферы обмена, игнорируя характер эволюции производительных сил, производственных отношений и классовой борьбы. Оценивая же фактический материал, которым оперировали для подтверждения тезиса о «кризисе феодализма» XIV—XV вв. на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. авторы коллективного доклада М. Молла, М. Постап, П. Йохансен, А. Сапори и Ш. Ферлинден,— Е. А. Косминский обратил внимание на противоречивость и недостаточную достоверность использованных ими сведений. Одновременно Е. А. Косминский подчеркнул те прогрессивные по своей сущности сдвиги в хозяйственной структуре европейских государств, в частности Англии, которые, вызывая конъюнктурные спады количественного порядка, подготавливали тем не менее быстрое экономическое развитие этой страны в конце XV—XVI веков⁶.

М. А. Барг в своих статьях сосредоточил внимание на выяснении прежде всего структурных изменений в экономическом строе и земельных отношениях европейских стран, которые были связаны в XIV—XV вв. с переходом от домениального к «парцеллярно-крестьянскому» товарному хозяйству. С другой стороны, тщательно проанализировав экономику крестьянского хозяйства в рассматриваемый период, он убедительно показал ее связь с товарно-хозяйственными, а не капиталистическими, фермерскими формами производства. На этом основании М. А. Барг сделал обоснованный вывод о том, что сторонники концепции «кризиса феодализма» XIV—XV вв. выдают имевший место кризис домениально-манориального строя за «кризис феодализма» как определенного исторического способа производства. В действительности же, завершив эту несомненно болезненную перестройку, феодализм продолжал сохранять свою жизнеспособность, приспособив свои институты и требования к новым хозяйственным условиям, созданным ускоренным развитием товарного производства и обмена⁷. В том же общем методологическом направлении, но выявляя новые грани и стороны проблемы, анализировали концепцию «кризиса феодализма» XIV—XV вв. Ю. А. Корхов и Ю. Л. Бессмертный⁸. При этом они подчеркивали, что

⁴ «The Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium by P. M. Sweezy, H. K. Takahaschi, M. Dobb, R. Hilton, Ch. Hill. L. 1954; «Une discussion historique. Du féodalisme au capitalisme. par. G. Leveuvre, S. Procacci et A. Soboul». «Pensée», 1956, № 65.

⁵ См., например, E. J. Hobsbawm. The General Crisis of the European Economy in the 17-th Century. «Past and Present», 1965, № 5, 6.

⁶ Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? «Средние века». Вып. X. 1957, стр. 260—261, 263—264, 269—271. См. также: M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Sapori, Ch. Verlinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen-âge. «Comitato Internazionale di Scienze Storiche X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4—11 Settembre, 1955. Relazioni, VI».

⁷ М. А. Барг. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. «Вопросы истории», 1960, № 8; его же. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. «Вопросы истории», 1963, № 3.

⁸ Ю. А. Корхов. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму. «Средние века». Вып. XV. 1959; см. также рецензию Ю. Л. Бессмертного на сборник статей «Переход от феодализма к капитализму» П. М. Суиза, Х. К. Такахаси, М. Добра, Р. Хилтона, К. Хилла. Лондон. 1954. «Вопросы истории», 1955, № 12.

события экономической истории не могут плодотворно изучаться в отрыве от социально-классового их содержания и классовой борьбы в антагонистических обществах.

Несколько позднее, на основе глубокого исследования немецкого материала, с позиций выявления роли производительных сил и производственных отношений в аграрной эволюции немецких земель в XIV—XV вв. глубокую и тщательно документированную критику концепций «кризиса феодализма» XIV—XV вв. в западногерманской буржуазной историографии дал советский историк В. Е. Майер. Он доказал полную несостоятельность исследовательских методов и основных выводов по этому вопросу в работах таких западногерманских историков, как В. Абель, Ф. Лютге, Э. Кельтер и др. Кроме того, В. Е. Майер вскрыл их тенденциозное модернизаторство и попытки использовать материалы, относящиеся к последствиям «черной смерти» середины XIV в., для косвенного подкрепления аргументации в пользу применения таких методов войны, которые, ликвидировав живую силу противника, оставили бы в неприкосновенности материальные блага⁹.

В XVII в. в Европе социально-экономическая ситуация по сравнению с XIV—XV вв. была уже качественно иной. В ряде стран капиталистическое развитие одержало существенные успехи, совершились первые ранние буржуазные революции, которые привели к образованию буржуазной республики Соединенных провинций и к крушению абсолютизма Стюартов в Англии. Феодализму в целом был нанесен ряд чувствительных ударов, от которых он оправился лишь частично, а шедшие подспудно в его недрах трансформации готовили ему новые сюрпризы. Сложные процессы происходили и в экономике двух первых буржуазных стран — республики Соединенных провинций и в Англии, в результате которых первая втягивалась в стадию застоя и упадка, а вторая упорно и последовательно обеспечивала себе ведущее место.

Эти и другие события не могли не вызвать симптомов застоя, а то и упадка в отдельных странах, сферах производства, отраслях, особенно в сельском хозяйстве. На этой основе в послевоенные годы большое распространение получила теория общеевропейского «кризиса» XVII в., под пером некоторых буржуазных историков превратившаяся даже в «кризис капитализма» XVII в., которая также получила критическую оценку со стороны советских историков. Наиболее аргументированно она была раскритикована А. Д. Люблинской в историографических главах ее монографии. А. Д. Люблинская вела полемику как в методологическом плане с позиций марксистско-ленинского понимания экономической сущности феодального и капиталистического способов производства, так и в направлении анализа аргументации и фактических данных, на которые опирались в своих выводах Р. Мунье, Г. Р. Тревор-Ропер, Э. Хобсбаум и другие. Этот анализ показывает противоречивость многих фактов, попытки сторонников концепции «общего кризиса феодализма» XVII в. механически объединить воедино явления совершенно различного порядка, придав им значимость магистрального пути в общем развитии процесса, любое более или менее крупное восстание «подтягивать» до уровня революции (Г. Р. Тревор-Ропер) и т. п.¹⁰.

Создание такого рода новых «моделей» исторического европейского хозяйственного развития XIV—XV и XVII вв. обставлялось внешне весьма импозантной аргументацией: мобилизовывались большие пласты ранее не использованного архивного материала, велась его статистическая обработка, составлялись динамичные по виду графики и диаграммы и т. д. Положительным итогом этой работы было быстрое развитие демо-

⁹ В. Е. Майер. Указ. соч., стр. 119—120.

¹⁰ А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л. 1965, стр. 6—113.

графических исследований, изучение движения цен, заработной платы, курсов денег и драгоценных металлов и т. д. Однако выводы на основе этих исследований чаще всего носили тенденциозный характер. Определяющая роль отводилась явлениям (и то некоторым), происходившим в сфере распределения и обмена материальных благ, сфере же их производства, производственным отношениям отводилось подчиненное место, или же они и вовсе исключались из рассмотрения. Настойчиво постулировались неомальтузианские идеи, согласно которым движение населения, количество и цена прежде всего сельскохозяйственных продуктов якобы имеют решающее значение для общего хода хозяйственного и социального развития общества. В области аграрных исследований центр тяжести был перенесен в сферу изучения агрикультуры, агротехники, развития орудий труда. Итоги производства рассматривались чаще всего в абстрактном, внеисторическом разрезе, как результат некоего саморазвития экономических категорий, не связанных с определенным способом производственных отношений. О феодализме если и говорилось, то мельком, как о периоде господства натуральной экономики, а позднее вообще этот термин стал заменяться такими, как «доиндустриальное общество», «период прямого аграрного потребления» и т. п.

Новый конкретный материал, добытый в ходе этих исследований, значителен по объему и весьма ценен, но истолковывался он нередко с заранее заданной целью «доказать» отсутствие взаимосвязи между процессом развития производительных сил и социально-политическим развитием общества. Одной из главных задач при этом было на основе «новых научных данных» еще раз «опровергнуть» учение об общественно-экономических формациях, являющееся краеугольным камнем теории исторического материализма. Таким путем применительно к рассматриваемому периоду обеспечивались «исторические обоснования» пресловутой теории «социальной конвергенции». Охарактеризованные историографические явления имели общераспространенный характер, но не у всех буржуазных историков пользовались одинаковым признанием и постепенно стали встречать все усиливавшуюся критическую реакцию. В данной статье мы пытаемся осветить поставленную проблему на нидерландско-бельгийском материале.

Если обратиться к нидерландской и бельгийской историографии 50-х — первой половины 60-х гг., то она выглядит многоплановой, а развитие ее не обходилось без борьбы различных течений. Такие крупные историки старшего поколения, как бельгиец Л. Верье, нидерландцы Х. А. Энно ван Хелдер, Я. Х. ван Диллен¹¹, продолжали вести свои исследования методологически и методически в основном в традициях первой половины XX века. Уделяя основное внимание процессам в сфере производства, анализу поземельных отношений, они не отводили определяющего места сфере распределения и обмена.

Н. В. Постхюмус, уже выступивший как горячий приверженец теории цикличности, большее внимание обращал на исследование движения цен, заработной платы, демографии¹². Новое поколение бельгийских историков-экономистов Ш. Ферлинден, Я. Крайбекс, Э. Схоллиерс, Х. Ван Дер Вее, П. Линдеманс, ведущий современный нидерландский

¹¹ L. Verriest. *Le servage dans le comté de Hainaut*. Bruxelles. 1910; e j u s d. *Feodalité en Hainaut*. Cembloux. 1949; e j u s d. *Le régime seigneurial dans le comté de Hainaut du XI-e siècle à la Révolution*. Louvain. (1956); H. A. Enno van Gelder. *De Nederlandsche dorpen in de 16-e eeuw*. Amsterdam. 1953; J. G. van Dillien. *Amsterdam marché mondial des métaux précieux au XVII-e et au XVIII-e siècles*. «Revue Historique». 1926, № 152; e j u s d. *Bronnen tot de geschiedenis van het bedrijfsleven en het gildewesen van Amsterdam*, d. 1—2. s'-Gravenhage. 1929—1933; e j u s d. *Leiden als industriestad tijdens de Republiek*. «Tijdschrift voor Geschiedenis», Jg. 59. 1946.

¹² N. W. Posthumus. *De geschiedenis van de Leidsche lakenindustrie*. d. III, s'-Gravenhage. 1939. biz. 1124—1161; e j u s d. *Nederlandsche prijsgeschiedenis*, d. I. Leiden. 1943.

историк-экономист Б. Х. Сликер ван Бат, известный бельгийский экономист Я. А. ван Хаутте¹³ эволюционировали или вращались уже в кругу охарактеризованных выше методологических и методических приемов историко-экономического исследования. Если у Ш. Ферлиндена, Я. Крайбекса, Э. Схоллиера это заметно из самой проблематики их исследований, то Б. Х. Сликер ван Бат в своей сводной работе всю периодизацию строил исходя из приоритета потребления над производством¹⁴, при игнорировании того факта, что размеры производства и потребления определяются не только численностью населения, но прежде всего уровнем развития производительных сил и социальными условиями жизни людей. Исходя из подобным образом сформулированных целей исследования, Б. Х. Сликер ван Бат предлагал всю эпоху до 1850 г. разделить на следующие три периода: 1) замкнутое семейное хозяйство (хронологически не датируется); 2) 500—1150 гг.—прямое аграрное потребление; 3) 1150—1850 гг.—опосредствованное аграрное потребление¹⁵. Таким образом, ликвидируется граница между феодализмом и капитализмом, объединяемыми в рамках общего, третьего периода.

У современных бельгийских и нидерландских историков и историков-экономистов в их исследованиях есть и подтекст, имеющий своей целью ниспровергнуть периодизацию хозяйственного развития бельгийских территорий, созданную в первой трети XX в. А. Пиренном и его школой. В политическом плане в работах некоторых историков этого направления более или менее отчетливо прослеживается апологетика «европейской интеграции», ее регионального продукта — Бенилюкса, а также идей «атлантической солидарности»¹⁶.

Вместе с тем в том, что касается концепций «кризиса феодализма» XIV—XV вв., бельгийские и нидерландские историки-экономисты с самого начала занимали сдержанную позицию, по крайней мере в той части, в какой эти концепции относились к Нидерландам и Бельгии. К этому их побуждало то обстоятельство, что XIV—XV вв. (для всех нидерландских земель) были не периодом их упадка, а временем хо-

¹³ Ch. Verlinden. J. Craeybeckx, E. Scholliers. *Mouvements des prix et des salaires en Belgique au XVIe siècle*. «Annales-Economie-Sociétés-Civilisation», 1955, № 2; «Documenten voor de geschiedenis van prijzen en lonen in Vlaanderen en Brabant (XV-e—XVIII-e eeuw)». Gepubliceerd o.d.l. van Ch. Verlinden en de red. van J. Craeybeckx, door H. Copejans-De Smedt, J. Craeybeckx, D. Dalle. Brugge. 1959; E. Scholliers. *De levensstandaard in de XV-e en XVI-e eeuw te Antwerpen*. Antwerpen, 1960; e j u s d. *Loonsverhouding en arbeidsmarkt*. «Cahiers d'Histoire des Prix», II. Louvain. 1957; H. Van Der Wee. *Prix et Salaires. Introduction méthodologique*. «Cahiers d'Histoire des Prix», I. Louvain. 1956; e j u s d. *The Growth of the Antwerp Market and the European Economy*. Vol. I—II. Louvain. 1963; e j u s d. *Das Phänomen des Wachstums und der Stagnation im Lichte der Antwerpener und Südniederländischer Wirtschaft des 16. Jahrhunderts*. «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», 54, 1967; P. Lindemans. *Geschiedenis van de landbouw in België*, d. I. Antwerpen. 1952; B. H. Slicher van Bath. *Agriculture in the Low Countries*. «Comitato Internazionale di Scienze Storiche X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Poma 4—11 Settembre, 1955. Relazioni, IV»; e j u s d. *De agrarische geschiedenis van West-Europa (500—1850)*. Utrecht-Antwerpen. 1960; e j u s d. *Yield ratios*. «A.A.G. Bijdragen», 1963, № 10; J. A. van Houtte. *Economische en sociale geschiedenis van de Lage Landen*. Antwerpen. 1964, blz. 80—81.

¹⁴ B. H. Slicher van Bath. *De agrarische geschiedenis...*, blz. 31.

¹⁵ *Ibid.*, blz. 32.

¹⁶ Ch. Verlinden. *Les origines de la civilisation atlantique. De la Renaissance à l'Age des Lumières*. P. 1966; e j u s d. *Westerse beschaving en Atlantische beschaving. Een theoretische beschouwing*. «Tijdschrift voor Geschiedenis», Jg. 80, afl. 1, 1967; B. H. Slicher van Bath. *De agrarische geschiedenis...*, blz. 356; P. Geyl. *Die Diskussion ohne Ende. Auseinandersetzungen mit Historikern*. Darmstadt. 1958, S. 172—178. Как подчеркивает П. Хейл, одной из целей сводной работы «Algemene geschiedenis der Nederlanden», d. 1—12. Utrecht. 1949—1958 было исторически обосновать правомерность создания Бенилюкса. Опровержение периодизации А. Пиренна в развернутой форме дано в работе E. Coornaert. *Draperies rurales, draperies urbaines. L'évolution de l'industrie flamande au moyen âge et au XV-e siècle*. «Revue Belge de Philologie et d'Histoire», T. XXVIII, № 1. 1950.

зяйственного расцвета, правда, не всестороннего и абсолютного, сопровождавшегося спадами во второй половине XV века.

Об отрицательном отношении Ш. Ферлиндена к концепциям «кризиса феодализма» XIV—XV вв. писал еще Е. А. Косминский¹⁷. По северным провинциям Нидерландов в том, что касалось земледелия, скептическую оценку давал Б. Х. Сликер ван Бат, констатировавший, в частности, отсутствие в Нидерландах в заметных размерах пресловутых «запустелых земель», превращенных стараниями создателей концепции «кризиса феодализма» XIV—XV вв. в подлинный жупол аграрной жизни этого периода¹⁸. Однако в том, что касается характеристики общего процесса хозяйственного развития европейских стран, Б. Х. Сликер ван Бат полностью находился под влиянием «кризисной теории», что видно из его сводной работы. Тем не менее для Нидерландов и там сделан ряд оговорок: отмечалось сочетание элементов пониженной конъюнктуры с прогрессом в наиболее товарных отраслях сельского хозяйства (виноградарство и виноделие), широким развитием деревенских промыслов в провинциях Эно, Фландрии и Брабанте, употреблялся более осторожный термин — «депрессия». Вообще в связи с этим периодом автор весьма редко апеллировал к нидерландскому материалу¹⁹.

Углубление исследований по экономической истории Нидерландов XIV—XV вв., однако, привело к накоплению фактического материала, который не только подкрепил позиции историков, проявивших осторожность в распространении на эту страну схемы «общего кризиса феодализма». Новые материалы, а также обращение к ранее известным, но игнорировавшимся фактам давали основание для начала общего пересмотра «кризисной теории». Кроме того, они побуждали к изменению самого угла зрения, под которым ранее рассматривался фактический материал, критического отношения к методологическим и методическим приемам исследования, с помощью которых была оформлена концепция «кризиса» XIV—XV веков.

Первой попыткой произвести такую «переоценку ценностей» применительно к бельгийским землям можно считать обобщающий очерк Р. ван Ойтфена, озаглавленный: «Фландрия и Брабант «обетованная земля» при герцогах Бургундских?»²⁰. В этом очерке автор прежде всего идет по пути расширения круга критериев для выявления тенденций хозяйственного развития бельгийских территорий. Рассматривая статистические сведения по уровню цен, заработной платы, движению населения и размерам посевных площадей (показатели, которые сторонники концепции «кризиса феодализма» XIV—XV вв. считают определяющими), автор приходит к выводу, что они свидетельствуют об отсутствии «кризисных явлений». Количество наемной рабочей силы не снижалось, а возрастало, и заработная плата держалась на низком уровне; колебания численности населения были чисто конъюнктурными и вызывались такими внешними факторами, как эпидемии 1484, 1488—1489 гг., гражданские войны и т. п.

Этими же причинами, а также разорением из-за долгов были вызваны и «запустения» земель в некоторых областях (Брабант, Намюр), ликвидированные уже в конце XV века. Анализируя соотношение компонентов формулы Ирвинга Фишера $P = \frac{M \cdot I \cdot D}{O}$, где M — масса денег;

¹⁷ Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 264.

¹⁸ B. H. Slicher van Bath. Duizend jaar landbouw in de Nederlanden in vogelvlucht (800—1800) — Landbouwgeschiedenis. s'-Gravenhage. 1960, blz. 44.

¹⁹ B. H. Slicher van Bath. De agrarische geschiedenis..., blz. 158, 160, 234—235, 240.

²⁰ R. van Uytven. La Flandre et le Brabant «terres de promission», sous les ducs de Bourgogne?». «Revue du Nord». t. XLIII, № 172. 1961.

И — скорость их обращения; Д — спрос; О — предложение, а Р — уровень цен, Р. ван Ойтфен приходит к заключению, что внутри страны цены имели тенденцию к снижению. Однако оно компенсировалось ростом экспорта (главным образом готовых изделий) в другие европейские страны, где на них именно в этот период возрастал спрос, — итогом была стабилизация. «Аграрного кризиса» не было, либо имела место сравнительно неглубокая депрессия, притом довольно кратковременная, сопровождавшаяся ускоренным развитием ряда отраслей торгового земледелия²¹. Эти утверждения Р. ван Ойтфена находят себе поддержку и в материалах, приводимых по бельгийским землям П. Линдемansom²².

Более внимательного и критического рассмотрения заслуживает тезис Р. ван Ойтфена о тенденции к снижению цен, в частности на сельскохозяйственные продукты. Применение формулы Ирвинга Фишера при всей возможной авторитетности последней еще не решает вопроса, как показывает сопоставление сделанных на основании ее выводов с данными относительно фактического золотого и серебряного содержания эталонной монеты — брабантского и фландрского хротов. С 1384 по 1499 г. оно в первом по золоту сократилось с 0,1089 гр. до 0,0296 гр., а по серебру — с 1,17 гр. до 0,33 гр.; во втором эти же показатели за 1366—1388 гг. соответственно составили по золоту 0,416 гр. и 0,0750 гр. и по серебру 1,43 гр. и 0,78 гр.²³ Таким образом, налицо скорее инфляционная, чем дефляционная конъюнктура.

Как порою доказывается снижение цен на сельскохозяйственные продукты, видно на примере графика цен на них в Англии, составленного Перру (Регу) и приводимого Б. Х. Сlicherом ван Батом²⁴. В оригинале отсутствует разделительная линия, проведенная от индекса цен 1300 г., принимаемого за 100%. При наличии же ее становится ясным, что конъюнктурные колебания цен происходили в основном выше индекса, и средней равнодействующей от них будет пусть очень отлогая, с понижением в 1450—1500 гг., но восходящая линия. Это подтверждается и выводами Я. А. ван Хаутте, который отмечает, что за XV в. цены на пшеницу в Нидерландах выросли на 11% (при росте цен на серебро за то же время на 50%)²⁵. Что же касается ржи, то если материалы Э. Схоллиерса верны, то цены на нее в XV в. в Нидерландах были по крайней мере близки к исходным данным за 1430 г.²⁶ Но остается открытым вопрос, отражали ли указанные статистические материалы действительно общепанглийские и общенидерландские цены или какой-то локальный их вариант. Кроме того, неясно, поскольку нет сплошных сведений по всему веку, в какой мере имеющиеся данные являются представительными для оценки конъюнктуры за столетие в целом.

Иное положение с ростом цен на промышленно-ремесленные изделия. Их контраст с ценами на сельскохозяйственные товары во многих новейших работах используется для обоснования теории «ножниц» как якобы фактора, определяющего весь ход экономического развития XIV—XV вв. и доказывающего приоритет спроса по отношению к производству. Здесь уместно прежде всего выяснить, чем обусловливается такой рост: просто игрой рыночных цен или обстоятельствами, созданными структурной перестройкой экономики XIV—XV веков? Ответ представляется целесообразным искать в последней. Переход (прежде всего в деревне) от натуральных форм хозяйства к товарным был связан со

²¹ Ibid., pp. 300—303, 305—308, 310.

²² P. Lindemans. Op. cit., blz. 109—118, 128—129, 133—135, 209—215, 225, 228—235 ff.

²³ H. Van Der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy. Vol. II, pp. 125—128; E. Scholliers. De levensstandaard..., blz. 221—223.

²⁴ B. H. Slicher van Bath. De agrarische geschiedenis..., blz. 155.

²⁵ J. A. van Houtte. Op. cit., blz. 84.

²⁶ E. Scholliers. De levensstandaard..., blz. 231.

значительным ростом числа наемных работников, с вытеснением натурального домашнего ремесла (обеспечивающего личные потребности) развивающимися товарными сельскими промыслами, к тому же часто создававшими лишь полуфабрикаты. Укрепление товарно-денежного хозяйства значительно расширило также слой состоятельных горожан, предъявлявших повышенный спрос на всякого рода дорогостоящие изделия и предметы роскоши. Более пышным стал и быт дворянства. Все это вызвало большую диспропорцию между производством сельскохозяйственных продуктов, к тому же при известном росте урожайности, и выпуском ремесленно-промышленных изделий, особенно в странах с преобладанием аграрной экономики. С этим, по-видимому, в значительной мере связан и тот факт, что именно эти последние в XIV—XV вв. переживали наибольшие трудности и конъюнктурные спады, тогда как страны, производившие ремесленно-промышленные изделия, оказались в выигрышном положении, использовали с выгодой для себя сложившуюся внешне-торговую конъюнктуру. Ими в XIV—XV вв. были прежде всего Нидерланды и Италия, что видно хотя бы из факта удвоения товарооборота первых в течение XV века²⁷. Зстой в некоторых отраслях ремесла, особенно в традиционном сукноделии, имеет свое объяснение.

Р. ван Ойтфен не считает, однако, что рассмотренных показателей достаточно для того, чтобы понять направление и характер хозяйственного развития. Он считает необходимым обратиться к сфере как аграрного, так и ремесленно-промышленного производства, и этот аспект исследования приносит наиболее плодотворные результаты. Выясняется, что спад в главной отрасли — сукноделии — захватил главным образом ту ее часть, которая производила экспортные, высококачественные сорта сукон. Причины этого были различны: конкуренция тосканских, английских и немецких однотипных изделий, изменение структуры спроса, осложнения с приобретением сырья. В то же время ряд шерстоткацких центров, приспособившихся к новым запросам рынка или удовлетворявших эти потребности, преуспевал и развивался (Куртре, Лилль, Ат) до конца XV в., особенно Хондсхоот. Одновременно наблюдался заметный подъем в ряде других отраслей: металлургии и металлообработке, льноткачестве, кожевенном, ковродельческом производствах и пр. Здесь отражалась взаимосвязь и взаимовлияние производства и обращения, ориентировавшихся отныне на изготовление и торговлю товарами нового ассортимента или массового потребления. В целом в ремесле и промышленности, несмотря на упадок отдельных ведущих традиционных их отраслей, вплоть до 1485 г. определяющей тенденцией была восходящая линия и структурная перестройка, проявления которой были многообразны и противоречивы (упадок экспортного сукноделия, «заккрытие цехов», возникновение новых и быстрое развитие прежде имевших подчиненное значение отраслей и т. п.). В сельском хозяйстве наблюдались сходные явления, а резумирующим был общий быстрый рост его товарности, что сопровождалось мучительной ломкой прежних устоев²⁸. Структурные изменения в форме внедрения предпринимательских методов происходили в рыболовецком промысле Фландрии, локализовавшемся в прибрежных селах района городов Нивпорта и Остенде²⁹.

Указанные экономические процессы сопровождались существенными изменениями и в социальной структуре общества. Ускорился и расширился процесс имущественной дифференциации; его жертвами в городе стали подмастерья и наемный рабочий люд, а в деревне — малоземельные крестьяне и деревенская голытьба, для которых XV век вовсе не был

²⁷ R. van Uytven. Op. cit., p. 290.

²⁸ Ibid., pp. 292—302, 308—311, 313.

²⁹ R. Degreyse. De Vlaamse haringvisserij in de XV-e eeuw. «Handelingen van het Genootschap voor Geschiedenis gesticht onder de benaming Société d'Emulation te Brugge». Bruges. 1951, pp. 121—133.

«золотым веком». Число зажиточных лиц в Брабанте в среднем снизилось на 15%. Поэтому внутренние конфликты последней четверти XV в., по мнению Р. ван Ойтфена, являлись не только реакцией на непопулярную политику Карла Смелого, но и на произвол — экономический и социальный — городских патрициев, купцов, цеховых мастеров и ростовщиков, аккумулировавших уже в то время в своих руках крупные резервные денежные богатства. Итоговым для хозяйственной эволюции являлся не «кризис», а структурные изменения, накопление количественных и качественных изменений, подготавливавших взлет XVI века³¹. Нетрудно заметить, что эти выводы Р. ван Ойтфена во многом сходятся с тем, что было высказано в упоминавшихся выше работах советских историков — Е. А. Косминского, Ю. А. Корхова, М. А. Барга. Не случайно также, что Х. Ван Дер Вее, который дал позднее более систематизированный полемический очерк о путях хозяйственного развития южных областей Нидерландов в XIV—XV вв., уже на первых страницах ссылается на рассмотренную нами ранее статью Е. А. Косминского, ставшую ему известной во французском переводе. Подчеркивая справедливость вывода Е. А. Косминского о структурной ломке английского барщинного поместья как главной причине «кризисных явлений» XIV—XV вв. в экономике Англии, Х. Ван Дер Вее утверждает, что так же было и в южных провинциях Нидерландов. Но интерпретирует этот вывод Е. А. Косминского автор по-своему, как свидетельство процесса «ликвидации там (то есть в Англии. — А. Ч.) феодальной структуры»³², — утверждение, для которого аутентичный русский текст указанной статьи оснований не дает. Этим одновременно позиция Х. Ван Дер Вее отличается от взглядов Р. ван Ойтфена, для которого XIV—XV вв. в экономической эволюции Нидерландов представляются прежде всего периодом быстрого развития вширь и вглубь товарно-хозяйственных, а не капиталистических отношений.

Х. Ван Дер Вее в основном, по-видимому, согласен с концепцией «кризиса» XIV—XV вв., сформулированной в работах В. Абеля, М. Постана и др., он ближе стоит к Б. Х. Сликеру ван Бату, чем к Р. ван Ойтфену, не отрицает мальтузианского «закона понижающегося плодородия» (только в Нидерландах он был якобы преодолен посредством большей интенсивности хозяйства), утверждает, что южные области Нидерландов также вошли в полосу «кризиса», только менее глубоко и лишь в XV веке. Вместе с тем он считает односторонним выведение определяющих тенденций хозяйственного развития лишь путем анализа конъюнктуры народонаселения, цен и заработной платы. Набор критериев должен быть, по его мнению, расширен за счет привлечения факторов из области промышленного, ремесленного и сельскохозяйственного производства, особенно же — анализа эволюции их структуры. Поэтому цель своего обобщающего очерка Х. Ван Дер Вее видит в том, чтобы показать, как «взаимозависимость между конъюнктурой и структурой... обеспечивает историко-экономическому феномену его фундаментальный критерий и предопределяет таким образом в решающей степени тайну экономического развития»³³. Именно эта сторона аргументации Х. Ван Дер Вее представляется наиболее плодотворной в научном отношении. Она не соответствует теории исторического материализма, исходящей из признания примата сферы производства над сферой обращения, рассматривающей экономические явления в их неразрывной связи с социальными антагонизмами и классовой борьбой эксплуатируемых против

³¹ R. van Uytven. Op. cit., pp. 303, 308, 310—317.

³² H. Van Der Wee. Conjunctuur en economische groei in de Zuidelijke Nederlanden tijdens de 14-e, 15-e en 16-e eeuw. «Mededelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België». Kl. der Lett Jg. XXVII. 1965, № 8, blz. 5, note 11-a.

³³ Ibid., blz. 3, 4, 6, 9—10, 15.

эксплуататоров. Но она является шагом вперед по сравнению с той мистикой, которая к исходу 50-х годов завела в тупик авторов буржуазных исследований по хозяйственной истории европейских стран XIV—XV веков. Кроме того, признание примата сферы производства не исключает учета влияния сферы обмена. Роль рынка, сначала национального, развивавшегося из категории товарного в категорию капиталистического хозяйства, а затем и складывающегося мирового капиталистического, в общем хозяйственном развитии Европы того времени быстро возрастала.

Этот факт подчеркивали и основоположники марксизма-ленинизма. К. Маркс обращал особое внимание на то, что «в настоящее время промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание»³⁴, а В. И. Ленин к своей классической работе «Развитие капитализма в России» дал подзаголовок: «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности».

С полным к этому основанием, как и Р. ван Ойтфен, Х. Ван Дер Вее отмечает противоречивый характер всех сфер социально-экономического развития южных провинций Нидерландов, в том числе отрицательные последствия политического господства цеховой верхушки, патрициата и слившейся с ним прослойки купцов-предпринимателей. Эти социальные слои, по его мнению, на протяжении XIV—XV вв. все больше вытеснялись из сферы производительной деятельности, переносили свои капиталы в приобретение недвижимости, превращались в титулованных рантье, тративших свои доходы на непроемчивое потребление, приобретение предметов роскоши и т. п. — вывод не новый, сделанный еще А. Пиренном³⁵. Настоящий же ответ на изменение международной рыночной конъюнктуры в неблагоприятную для Нидерландов сторону давали не эти нисходящие социальные слои. Их давали те динамичные и жизнедеятельные элементы, которые создавали на прогрессивной основе новые, квалифицированные и трудоемкие, а вместе с тем и более доходные отрасли производства (резьба по дереву, мебель, скульптура и живопись, художественная обработка кожи, металла, кружева, гобелены, ковры, оружейное дело, отделка сукон и полуфабрикатов). В одном Антверпене в это время сложилось до 100 таких интенсивных и узкоспециализированных отраслей. Именно их «прорыв на западноевропейский рынок», как выражается Х. Ван Дер Вее, повлек за собой в XVI в. тот мощный экономический скачок, который вызвал удивление современников³⁶.

Не менее важные по своему социально-экономическому значению изменения происходили в деревне. Ликвидация доменального хозяйства, господство аренды, «развитая инфраструктура» (то есть средства сообщения) содействовали быстрому прогрессу агрикультуры и урожайности. Спрос на сельскохозяйственное сырье породил расцвет различных технических культур и животноводства. Земледелие все больше совмещалось с деревенскими промыслами, торговлей, рыболовством, обслуживанием транспорта, поглощавшими пауперизированные слои населения. Остальные находили себе применение в тех городах, экономика которых продолжала идти в гору. «Предпринимательский риск» арендаторов поощрялся практикой снижения арендной платы в годы

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 764.

³⁵ A. Pirrenne. Histoire de Belgique. T. III. Bruxelles. 1923, p. 238; e j u s d. Une crise industrielle en XVI-e siècle. (La draperie urbaine et la «nouvelle draperie» en Flandre). «Bulletins de la classe des lettres et des sciences morales et politiques et de la classe des beaux-arts». Academie Royale de Belgique. Bruxelles. 1905, № 5, p. 511; e j u s d. Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme. «Bulletin de l'Academie Royale de Belgique, classe des Lettres». Bruxelles. 1914.

³⁶ H. Van Der Wee. Conjunctuur en economische groei..., blz. 13, 17—19.

тяжелых неурожаев и стихийных бедствий. Весь XIV век проходит под знаком преодоления временных конъюнктурных спадов и мучительных трудностей. Лишь особо неблагоприятные внешние и внутренние обстоятельства приводят в XV в. к хозяйственному спаду. Несмотря на это (и здесь вывод Х. Ван Дер Вее полностью совпадает с заключением Р. ван Ойтфена), именно XIV и XV века подготовили Нидерланды к их экономическому преобладанию над другими европейскими развитыми странами в XVI веке³⁷. Фактической основой, на которой Х. Ван Дер Вее строит свои обобщения в том, что касается прежде всего Брабанта, является опубликованное им двумя годами ранее двухтомное исследование по истории складывания и развития антверпенского рынка (первый том содержит обильный и тщательно обработанный статистический материал), а также европейской торговой конъюнктуры XIV—XVI веков. В этой работе Х. Ван Дер Вее, говоря о влиянии «кризиса» XIV—XV вв. на экономику Брабанта, отмечает, что наиболее сильные лишения выпали на долю сельского хозяйства, вследствие чего этот общеевропейский «кризис» надлежит рассматривать как «по преимуществу аграрный феномен», что уже само по себе представляется существенным ограничением. Если же приглядеться к системе аргументации автором конкретных симптомов и стадий «кризиса», то складывается впечатление, что, в сущности, речь идет не столько о процессе, сколько о конъюнктурных колебаниях (вызванных разными причинами, не всегда вскрываемыми автором) в отдельных отраслях и секторах промышленно-ремесленного и сельскохозяйственного производства³⁸.

Трудности, ломка в хозяйственной жизни XIV—XV вв., особенно в сельской экономике, действительно были, но пока еще в рамках продолжавшего развиваться феодализма. То, каким способом они преодолевались, имело, однако, немаловажное значение для последующего развития европейских государств. Там, где затруднения устранялись путем интенсификации и приспособления к новым условиям, созданным развитием вширь и вглубь товарно-денежного хозяйства, резюмировавшегося в возникновении национального рынка; где подобная эволюция находила свое закрепление в исходе решающих классовых битв, в соответствующих изменениях надстройки (в первую очередь государства и права), — в таких странах в XVI—XVII вв. дело шло, как правило, к складыванию капитализма. Там же, где господствующий класс искал выхода в возврате к отжившим уже формам хозяйственной и политической жизни, дело обычно оборачивалось торжеством феодальной реакции.

Касаясь развития экономических процессов в северных провинциях Нидерландов, Р. ван Ойтфен высказывает мнение, что там дела шли примерно так же, как и в южных³⁹. Разумеется, одной такой реплики недостаточно для решения столь сложного комплекса вопросов, тем более что социально-экономический строй большей части северных провинций отличался весьма значительным своеобразием. К сожалению, в новейшей нидерландской историографии пока нет работ, подобных рассмотренным выше обобщающим очеркам Р. ван Ойтфена и Х. Ван Дер Вее⁴⁰.

Некоторые экскурсы такого порядка, проделанные Х. Ван Дер Вее, эскизны и не лишены противоречий. Так, в статье о торговых связях Антверпена с северонидерландскими областями в XIV—XV вв. он выдвигает

³⁷ Ibid., blz. 5—13.

³⁸ H. Van Der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy. Vol. II, pp. 7—17, 35 (note 22), 43—47, 61—67 e. a.

³⁹ R. van Uytven. Op. cit., p. 316.

⁴⁰ К сожалению, автор не смог использовать работу W. Alberts en H. Jansen. Welvaart in wording. Sociaal-economische geschiedenis van Nederland van de vroegste tijden tot het einde van de Middeleeuwen. s'-Gravenhage. 1964.

гает тезис о будто бы решающем значении для последних именно этого, а не балтийского направления торговли, причем искусственно выделяются лишь их торговые связи с Ганзой. В то же время в своей ранее изданной монографии Х. Ван Дер Вее с полным к тому основанием объяснял расцвет голландских городов в XIV—XV вв. в первую очередь развитием их балтийской торговли⁴¹.

Б. Х. Сликер ван Бат затрагивает вопросы, связанные с «кризисом» XIV—XV вв. в северных Нидерландах лишь по частным аспектам. Так, в одной из своих последних работ локального характера, посвященной провинции Фрисландия, он объясняет испытанные этой областью в XV в. хозяйственные трудности последствиями «кризисных явлений». При этом лишь мимоходом упоминается об отрицательных последствиях для фризской экономики военных конфликтов того времени⁴².

Работа Т. С. Янсмы, посвященная выяснению экономической обстановки в Голландии периода ее вхождения в состав Бургундской державы, небезынтересна (и по теме она могла бы решить применительно к северным провинциям вопросы, рассмотренные в очерке Р. ван Ойтфена), но, к сожалению, весьма узко ставит задачу и преследует лишь цель опровергнуть вывод А. Пиренна, будто под скипетром герцогов Бургундских северонидерландские провинции пользовались миром и процветанием⁴³.

Таким образом, анализ рассмотренных работ приводит к выводу, что вопрос о том, имел ли место «кризис феодализма» в Северных Нидерландах в XIV—XV вв., каковы были его симптомы и их интенсивность, исследован слабо, социологическая схема здесь еще довлечет над фактами.

В нашу задачу не входит исследовательское решение проблемы. Приведем лишь ряд фактов, почерпнутых из нидерландских же конкретных исследований, фактов не опровергнутых, да, пожалуй, и не могущих быть опровергнутыми, каковые противоречат надуманной схеме «кризиса феодализма» XIV—XV вв. в Северных Нидерландах. Эти данные действительно «стыкуются» с выводами исследования Р. ван Ойтфена, хотя они и не идентичны по своему содержанию, как не был идентичен «южному варианту» весь ход хозяйственного развития Севера.

Прежде всего следует подчеркнуть ту особенность, что если во Фландрии и Брабанте в XIV—XV вв. происходила структурная перестройка ранее существовавших форм ремесленно-промышленного производства, то для подавляющей части северных провинций речь шла по преимуществу об их возникновении и развитии, поскольку большинство городов Голландии, Зеландии и ряда других провинций становились более или менее крупными торгово-ремесленными центрами именно в XIV—XV вв.; заторможенным было и развитие здесь сельских промыслов. Общим же, пожалуй, был своеобразный «учет» Севером опыта Юга.

Сукноделие Лейдена развилось в процветающую экспортную отрасль как раз в этот период (хотя и с некоторыми серьезными спадами, проистекавшими, как правило, от внешних помех — внутренних и внешних войн, прекращения подвоза английской шерсти и т. д.). Этими причинами, в частности, объяснялся резкий спад последних двух десятилетий XV в., когда оживилась борьба «крючков» и «трески» и подняли

⁴¹ H. Van Der Wee. De handelsbetrekkingen tussen Antwerpen en de Noordelijke Nederlanden tijdens de 14-e, 15-e en 16-e eeuw. «Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden» d. XX. 1965, blz. 267; e jusd. The Growth of the Antwerp Market and European Economy. Vol. II, pp. 67—68.

⁴² B. H. Slicher van Bath. The Economic and Social Conditions in the Frisian Districts from 900 to 1500. «A.A.G. Bijdragen», 1965, № 13, blz. 129—130.

⁴³ T. S. Jansma. Het vraagstuk van Hollands welvaren tijdens hertog Philips van Bourgondie. Groningen-Djiakarta, 1950, blz. 4—24.

восстание кеннемеры⁴⁴, сначала осложнились, а затем временно полностью прекратились торговые связи с Англией, включая поставки шерсти. С 1400 по 1500 г. объем продукции лейденского сукноделия возрос с 9660 кусков до 23393 кусков в год. Правда, под влиянием его конкуренции и других причин сократилось сукноделие в ряде других городов провинции Голландия — Делфте, Гааге, Наардене, но расширилось в Хорне и, видимо, в Хаарлеме⁴⁵. Периодом расцвета и превращения в экспортную отрасль был XV в. для пивоварения в Хаарлеме. Акцизный сбор с производства и потребления пива в Хаарлеме в 1430—1443 гг. давал 51% всех акцизных поступлений в городскую кассу. Трудности наступили здесь, как и повсюду, лишь в последние два десятилетия XV в. и связаны были с уже описанными выше причинами привходящего характера. С устранением их уже с 1498 г. пивоварение Хаарлема снова идет в гору⁴⁶. Данные 1514 г. говорят о нем как об основной отрасли городской экономики; затем уже шли такие, как сукноделие, льноткачество, судостроение и др.⁴⁷.

С середины XIV до конца XV в. быстро развивался в крупный торгово-мореходный центр Амстердам, уже в середине XV в. занявший первое место среди голландских городов. При этом Амстердам специализировался на торговле товарами массового спроса: пивом, зерном, лесом, рыбой, парусиной и др., в транспортировке которых были заняты в XV в. сотни только морских судов⁴⁸, принадлежавших в основном голландцам. Своему влиянию Амстердам подчинил и расположенные по соседству города, а также прибрежные села, главным занятием жителей которых являлись рыболовство и мореходство. Крупную, преимущественно транзитную, торговлю вели в XIV—XV вв. города Оверейссела — Девентер, Зволле и Кампен, связанные как с Антверпеном, так и с Амстердамом. Структура их ассортимента тоже состояла в основном из товаров массового потребления — зерна, леса, скота, масла, сыра, строительного камня и др.⁴⁹. С середины XV в. быстро возрастало значение еще одного района — куста зеландских торговых городов Мидделбурха, Флиссингена, Арнемейдена и Феера, — который был тесно связан не только с Брюгге и голландскими городами, но и с развивающимся в то время Антверпеном и являлся своего рода выдвинутым вперед аванпостом последнего.

Если в 1460—1461 гг. в эти порты заходило всего 13 иноземных кораблей, то в 1482—1483 гг. (по неполным данным) эта цифра возросла до 352—380 единиц, причем в нее не входили также рейсы местных шкиперов (в обоих направлениях). На этой основе в Мидделбурхе и Арнемейдене развилось судостроение, а на всем о. Валхерене — рыболовство,

⁴⁴ Начало борьбы «крючков» и «трески» восходит к середине XIV в. В рядах партии «крючков» выступали сепаратистские круги северонидерландской феодальной аристократии, борющиеся против централизаторской политики сначала графов Голландии, а позднее — герцогов Бургундских. Их союзниками были угнетавшиеся городским патрициатом цеховые корпорации некоторых городов Голландии, а также кеннемеры — остатки лично свободного, пользовавшегося большими привилегиями, фризского по своему происхождению крестьянства Северной Голландии и Западной Фрисландии. Подавление выступлений «крючков» и кеннемеров имело место в конце XV в. и сопровождалось большими опустошениями и жестокими репрессиями.

⁴⁵ N. W. Posthumus. De geschiedenis van de Leidsche lakenindustrie. d. 1, s'-Gravenhage. 1908, blz. 193, 201, 368, 370—371; А. Н. Чистозвонов. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М. 1964, стр. 56—57.

⁴⁶ J. C. van Loenen. De Haarlemse brouwindustrie voor 1600. Amsterdam (1950), blz. 11—16.

⁴⁷ «Informacie up den staet faculteyt ende gelegentheyt van de steden ende dorpen van Holland ende Vrieslant om daernee te reguleren de nyewe schiltaele gedaen in den jaere MDXIV, door R. Fruin» (далее — «Informacie»). Leiden. 1866, blz. 14.

⁴⁸ H. J. Smit. De opkomst van den handel van Amsterdam. Amsterdam. 1914, blz. 96.

⁴⁹ W. J. Alberts. Overijssel und die benachbarten Territorien in ihren wirtschaftlichen Verflechtungen in 14. und 15. Jahrhundert. «Rheinischen Vierteljahrsblätter», Jg. 24. 1959, S. 40—56.

особенно же лов и засол сельди, шедшей на экспорт в ряд европейских стран. Еще большее развитие рыболовство, засол и экспорт сельди приобрели в Западной Фрисландии, Ватерланте, в районах Амстердама и Роттердама, где насчитывались сотни рыболовецких судов. Сила голландского флота и мореходства была продемонстрирована успехом тех войн, которые голландские города вели против Ганзы в период с 1417 по 1511 г.⁵⁰

Каждому, знакомому с содержанием налоговых описей конца XV — начала XVI в. — «Анкеты» 1494 г. и «Информации» 1514 г., хорошо известно, что они характеризуют время до 1477—1481 гг. как период экономического прогресса, а упадок последних двух десятилетий связывают прежде всего с военными опустошениями, внутренними социальными конфликтами и вызванным ими ростом налогового бремени. Битва при Нанси 1477 г. и последовавшие за ней события — вот рубеж, с которого начинается спад.

Уже этих фактов достаточно для того, чтобы не считать XIV—XV вв. временем «кризиса» для северных провинций Нидерландов, за вычетом временных конъюнктурных колебаний, вызывавшихся главным образом охарактеризованными выше причинами.

Меньше исследована аграрная экономика Северных Нидерландов XIV—XV веков. Тем не менее известно, что начиная с XIII в. здесь, как и в южных областях, стала распространяться аренда разных видов, в том числе долгосрочная и наследственная, при которой арендаторы выкупали или сами строили дома и надворные постройки, что предполагало как наличие у них определенного достатка, так и закрепление их прав на арендованную землю. Во Фрисландии, Дренте, Хронингене, Северной Голландии с личной зависимостью крестьян было покончено уже в XII в., а широкая прослойка «наследственных собственников» земли представляла собой свободных лично крестьян, хозяйствовавших нередко на свободной земле. Уже в XIV в. в Голландии, Зеландии, Фрисландии создались районы торгового земледелия, специализировавшиеся на разведении пшеницы (Зеландия), технических культур, молочном и мясном животноводстве, коневодстве с сетью местных специализированных рынков. При этом уровень агрикультуры в Зеландии был столь же высок, как и во Фландрии. Повсеместно была создана и продолжала развиваться густая сеть различных гидротехнических сооружений — защитных дамб, плотин, шлюзов, без чего сельское хозяйство на этих переувлажненных низменных землях было невозможно⁵¹.

Все это не свидетельствует о наличии затяжного «кризиса» в аграрной сфере, хотя материальное положение северонидерландского крестьянства и не может рисоваться в розовых тонах. Как на явление негативного характера Б. Х. Сликер ван Бат для XV в. указывает на снижение темпов осушения новых земель и потерю от сильных наводнений 1404 и 1421 гг. ряда земельных массивов в Голландии и Зеландии, причем они не были осушены в течение всего XV века. Причина, по его мнению, — отсутствие рабочих рук или нерентабельность подобных работ в условиях аграрного спада⁵². Но Р. Коолс отмечает значительные работы по осушению земель и расширению сети гидротехнических соору-

⁵⁰ Z. W. Sneller. *Walcheren in de vijftiende eeuw*. Utrecht. 1916. blz. 63—64, 69—70, 107—108 en. a.; H. Van Der Wee. *The Growth of the Antwerp Market and European Economy*. Vol. II, p. 136; J. H. Kok. *De «Kampen-uien» import*. Kampen. 1936, blz. 16—24; E. Brunner. *De order op de buitenning van 1531*. Utrecht. 1918, blz. 59—61; «Informacie», blz. 109, 138, 280 en. a.; F. Kettner. *Handel en scheepvaart van Amsterdam in de vijftiende eeuw*. Leiden. 1946, blz. 17—20, 115—117, 119, 121—122, 127 en. a.

⁵¹ H. Blink. *Geschiedenis van den Boerenstand en de Landbouw in Nederland*, d. I, blz. 123—129, 159—162, 175—176, 197—203, 271, 273, 329—343; d. II. Te Groningen. 1904, blz. 433—436, 465.

⁵² B. H. Slicher van Bath. *Duizend jaar landbouw in de Nederlanden...*, blz. 43—44.

жений в это время, о применении именно в XV в. более прочных и дорогостоящих материалов и агрегатов — древесных свай, каменной облицовки, дренажных мельниц и т. п., реконструкцию деривационных каналов в судоходные, в частности в Голландии (Рейнланд, Делфлант, Схилант и др.)⁵³. Можно ли было при столь большом объеме работ в прежних темпах вести и осушение, особенно в условиях непрекращавшихся внутренних войн? И можно ли такое замедление осушений обязательно записывать в «актив кризисных явлений»? Имело ли оно место вообще? Х. Блиндк, констатируя экономический спад в голландской деревне XV в., объяснял его в первую очередь гражданскими войнами и мародерством наемной солдатни, опустошавшей целые районы. XIV же век он считает в целом периодом относительного благосостояния для нидерландского крестьянства. Язва бродяжничества, пока, видимо, в локальных масштабах, начала развиваться в конце XIV в., и Х. Блиндк датирует первый закон против бродяг, изданный в Хаарлеме, 1390 годом⁵⁴. Причины этого явления еще нужно изучить.

Тенденция к уточнению и переоценке характера «кризиса» XVII в. весьма отчетливо заметна в одной из последних работ Б. Х. Слихера ван Бата, специально посвященной этой проблеме. Автор начинает с критики историографического направления, представленного такими фигурами, как В. Абель, С. М. Керюель, Д. Гризиотти-Кречманн, Р. Мунье, Э. Хобсбаум, Г. Р. Тревор-Ропер, Р. Мандру, Р. Романо, Е. Топольский⁵⁵, А. Клима и М. Грох, из каковых первые четверо поставили вопрос о «кризисе» XVII в., пятеро последующих в послевоенный период распространили его действие с хозяйственной сферы на области политическую, социальную и культурную, а остальные исследовали хозяйственную сторону вопроса. Затем он делает краткий обзор конъюнктуры в сельскохозяйственном производстве европейских стран, после чего приходит к выводу, что «депрессия XVII века, рассматриваемая в хозяйственном аспекте, была прежде всего депрессией зерновой, которая породила наибольшие трудности для хлебопроизводящих стран, каковые (трудности.— А. Ч.) еще более возросли из-за зависимости указанных стран от мирового рынка»⁵⁶.

Это ограничение понятия «кризиса» у Б. Х. Слихера ван Бата почти текстуально совпадает с аналогичным ограничением, сделанным Х. Ван Дер Вее в отношении «феномена» XIV—XV вв. Оно дополнено еще рядом существенных критических замечаний по поводу методологии и методики исследования вопросов, связанных с «кризисами» XIV—XV и XVII веков. Прежде всего Б. Х. Слихер ван Бат обращает внимание на многосторонность и противоречивость хозяйственного развития XVII в. и считает имевшую место аграрную депрессию «не взрывом, а процессом», который невозможно объяснить на «монокаузальной основе». Такая попытка привела к ошибочным выводам известного шведского историка Э. Ф. Хекшера, взявшего за основу колебания хлебных цен на Упсале и не знавшего, что они регулировались не местным, а мировым амстердамским индексом⁵⁷.

Затем Б. Х. Слихер ван Бат подвергает критике получившую в последние годы популярность «климатическую теорию», разработанную

⁵³ R.H.A. Cools. Strijd om den grond in het lage Nederland. Rotterdam/s'Gravenhage. 1948, blz. 45—49, 54, 70—71.

⁵⁴ H. Blink. Op. cit., d. I, blz. 173—174.

⁵⁵ Как видно из недавно изданной монографии Е. Топольского, теперь он не придерживается тех взглядов на характер хозяйственно-политического развития XVII в., о которых пишет Б. Х. Слихер ван Бат. См. J. Topolski. Narodziny kapitalizmu w Europie XIV—XVII wieku. Warszawa. 1965, s. 141—178, 199.

⁵⁶ B. H. Slicher van Bath. Die Europäischen Agrarverhältnisse im 17. und der ersten Hälfte der 18. Jahrhunderts. «A.A.G. Bijdragen», 1965, № 13, blz. 136—144.

⁵⁷ Ibid., blz. 146—147.

такими историками, как Г. Уттерстром, И. Олагюз, Г. Флон, Э. Леруа Ладюри. Ее сторонники, с одной стороны, сравнивают нередко данные по разным местностям и за различные хронологические периоды, то есть несопоставимые индексы; с другой стороны, эти историки, абсолютизируя температурные показатели, недооценивают количество и распределение по времени осадков на протяжении вегетационного периода, а этот фактор, с точки зрения Б. Х. Слихера ван Бата, имеет большее значение, чем температурные показатели. Попытки «привязать» «климатологическую теорию» к «кризисным явлениям» XIV—XV и XVII вв. бесперспективны и с позиций динамики ценообразования. Если бы именно климатические колебания предопределяли снижение урожайности, то цены на хлеб должны были бы возрасти, а они упали, и падали быстрее, чем сокращалась валовая продукция зернового хозяйства.

В другой своей работе, посвященной преимущественно методологии и методике исследования хозяйственных явлений, Б. Х. Слихер ван Бат критикует Мальтуса и снова Э. Ф. Хекшера за одностороннюю и упрощенную методику исследования аграрной конъюнктуры, за примитивность сравнительного анализа, когда устанавливается прямая зависимость между ценами на хлеб и уровнем смертности населения, даже без рассмотрения ее отдельно по периодам, в городской и сельской местности различно. В качестве дополнительных критериев нидерландский ученый предлагает ввести уровень заработной платы, структуру питания, обратное воздействие социальных явлений на колебания рыночных цен, изменения в общей хозяйственной структуре, в том числе и сфере производства⁵⁸, то есть приближается к тем позициям, на которых стоят Р. ван Ойтфен и Х. Ван Дер Вее.

К сожалению, вне поля зрения Б. Х. Слихера ван Бата остается качественное различие экономических и социальных процессов в разного типа европейских государствах, в частности проблема упадка голландского staple-рынка, в которой нашло свое отражение дальнейшее развитие капитализма по восходящей линии, но с перемещением центра этого развития из купеческой республики Соединенных провинций в промышленно-капиталистическую Англию. А по этому вопросу имеется весьма ценный анализ фактов в работах нидерландских историков-экономистов Т. П. ван дер Кооя и Я. Ф. Нирмейера⁵⁹.

Сказанное позволяет сделать некоторые предварительные итоговые выводы. Как видно, концепции «кризисов феодализма» XIV—XV и XVII вв., первоначально воспринятые многими буржуазными историками и некоторыми историками-марксистами как чуть ли не сенсационные, поворотные для понимания всего периода позднего средневековья и начала нового времени, оказались построенными на слабом фундаменте механического сведения воедино нередко несопоставимых по своей сущности явлений, тенденциозного подчеркивания движения народонаселения, рыночной или естественноприродной конъюнктуры, как якобы всеопределяющих факторов, отодвижения на задний план сферы производства и социального фактора, модернизации исторического процесса и т. п. Советские и другие историки-марксисты, прочно придерживающиеся марксистско-ленинской методологии и методики исследования историко-экономических явлений, с самого начала, как было показано, подвергли аргументированной критике эти концепции. Проверка временем показала их правоту. Теперь, как показывает пример Бельгии и Нидерландов, более объективно и критически мыслящие буржуазные

⁵⁸ Ibid., blz. 140—141, 144—145; e j u s d. Les problèmes fondamentaux de la société préindustrielle en Europe Occidentale. Une orientation et un programme. «A.A.G. Bijdragen», 1965, № 12, blz. 35—39.

⁵⁹ T. P. van der Kooy. Hollands stapelmarkt en haar verval. Amsterdam. 1931; J. F. Niermeyer. Historische schets van den Nederlandschen handel. «De Economist», Jg. 92, 1943.

историки, в свое время выступавшие сторонниками указанных концепций, начинают «переоценку ценностей».

Сходные тенденции заметны и в современной французской историографии, где раньше «кризисные концепции» пользовались очень большой популярностью. В качестве примеров можно сослаться на статью Г. Лемаршана, где об общем «кризисе» XVII в. практически не говорится, а оценка процессов, протекающих в его рамках, дается в спокойном и объективном тоне. Примечательна и работа Д. Рише, в которой справедливо XVII век рассматривается как составная часть общего процесса (разложение феодализма и генезиса капитализма.— А. Ч.), охватывающего, по мнению автора, середину XV—XVIII веков⁶⁰. Этот процесс еще далек от завершения. В частности, одна из основных причин расхождения во мнениях заключается в самой дефиниции феодализма, согласно которой основным ее критерием является якобы натуральность хозяйства. Как только на смену ей приходят развитые формы товарно-денежных отношений, хозяйственный строй становится «современным», то есть капиталистическим⁶¹, а поздний период феодализма включается, «конвергируется», в лоно периода «опосредствованного аграрного потребления» или «индустриального общества». В плане рассматриваемой частной проблемы важно тем не менее подчеркнуть то, что лед тронулся, что пелена, препятствовавшая целый ряд лет объективному исследованию очень важных периодов европейской истории, постепенно спадает.

В программе работы недавно закончившегося в Москве XIII Международного конгресса исторических наук проблемы европейской истории XVII в. были выделены в особую IV, секцию и стали предметом острой и продолжительной дискуссии, в которой приняло участие, включая экспертов, около 40 ученых из разных стран. Три из 6 основных докладов (Н. Стеенсгорд. Экономический и политический кризис XVII в.; Ст. Скалвайт. Франция и конституционный конфликт в Англии в середине XVII в.; В. Баусма. Секуляризация общества в XVII в.) имели своей целью отстаивать концепции «кризиса» XVII в. Докладчики с сожалением констатировали факт все уменьшающейся популярности этих концепций и должны были учесть выводы новейших историко-экономических исследований, показавших, что никакого общеевропейского экономического «кризиса» XVII в. не существовало. Поэтому «кризисные явления» настойчиво отыскивались докладчиками преимущественно в сфере политической, идеологической, духовной и научной жизни европейского общества XVII века. Дискуссия показала, что концепции «всеобщего кризиса» XVII в. продолжают терять свою былую притягательную силу, а само их понятие и сфера приложения все больше ограничиваются. Советские историки ясно показали в своих выступлениях научную бесплодность попыток изолированного рассмотрения XVII в., вне связи с общим процессом разложения феодализма, первоначального накопления и генезиса капитализма в его мануфактурной стадии, вне созданных этим процессом явлений во всех сферах жизни европейского общества. Но многие вопросы, относящиеся к проблеме в целом, еще ждут углубленного изучения, вдумчивого анализа и подлинно научного обобщения.

⁶⁰ G. Lemarchand. Le XV-e siècle en France: orientation des recherches nouvelles. «Pensée», № 138, mars-avril 1968; D. Richet. Croissance et blocage en France du XV-e au XVIII-e siècle. «Annales», 1968, № 4.

⁶¹ B. H. Slicher van Bath. Duizend jaar landbouw in de Nederlanden, blz. 29; e jus d. De agrarische geschiedenis..., blz. 44.